

УКРАИНСКАЯ ШКОЛА АРХЕТИПИКИ

**АРХЕТИПИКА
И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ,
МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ**

**сборник научных работ
победителей и лучших авторов
Первого международного конкурса молодых ученых**

**КИЕВ
НТЦ «Психея»
2013**

УДК 342:321:316
ББК 67
А94

Одобрено Ученым советом Национальной академии
государственного управления при Президенте Украины
(протокол № 202/4-9 от 21 мая 2013 года)

Экспертная коллегия:

Татьяна Данилова, канд. филос. наук (Киев, Украина);
Владимир Козаков, д-р гос. упр., проф. (Киев, Украина);
Павел Крупкин, канд. физ.-мат. наук, с. н. с. (Париж, Франция);
Екатерина Меркотан, канд. полит. наук, (Борне Сулиново, Польша);
Валентина Мамонова, д-р гос. упр., проф. (Харьков, Украина);
Андрей Мартынов, д-р ист. наук, с. н. с. (Киев, Украина);
Людмила Приходченко, д-р гос. упр., проф. (Одесса, Украина);
Елена Шибанова-Роечко, канд. экон. наук, проф.
(Лондон, Великобритания; Тверь, Россия).

А94

Архетипика и государственное управление: институциональные формы, механизмы и практики [Текст] : сборник научных работ победителей и лучших авторов Первого международного конкурса молодых ученых ; Киев, 24 мая 2013 г. / под ред. Е. А. Афонина и Г. Л. Рябцева. – К. : Психея, 2013. – 120 с.

ISBN 978-966-95379-5-9

В сборник вошли статьи победителей и лучших авторов Первого международного конкурса молодых ученых, финал которого прошел в рамках Четвертого теоретико-методологического семинара с международным участием «Архетипика и государственное управление: институциональные формы, механизмы и практики» (22-26 мая 2013 г., Киев, Украина).

УДК 342: 321: 316
ББК 67

© Українська школа архетипіки, 2013

ISBN 978-966-95379-5-9

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю

<i>Марина БИЛИНСКАЯ</i>	5
<i>Сергей КОТОВ-ДАРТИ</i>	6

Теория и история государственного управления, государственной службы и местного самоуправления (архетипная парадигма)

<i>Игорь РЕШЕВЕЦ</i> . Архетипная парадигма в политико-административном менеджменте.....	7
<i>Марина СТАРОВА</i> . Проблемы морально-этического поведения лидера в коллективе: архетипная парадигма	18
<i>Александр ЧАБАН</i> . Архетипные и социокультурные основы коррупционного поведения в украинской действительности	27

Механизмы государственного управления, государственной службы и местного самоуправления (архетипная парадигма)

<i>Елена БУЛКИНА</i> . Архетипные особенности осуществления политической профессиональной деятельности.....	37
<i>Степан ГАЛИЧ</i> . Политические выборы в Украине: архетипный подход.....	45
<i>Юрий ГУБАРЕВ-ЗОЛОТУХИН</i> . Манипулирование массовым сознанием.....	55
<i>Сергей ДОРОШЕНКО</i> . Государственно-частное партнёрство как следствие архетипики в государственном управлении	64
<i>Альберт ЗЕЛЯК</i> . Коммуникации в публичной сфере и их архетипика.....	72
<i>Надежда ПАВЕЛКО</i> . Архетипная природа государственной аграрной политики Украины	80
<i>Алина ПОМАЗА-ПОНОМАРЕНКО</i> . Механизм сбалансирования и государственной поддержки реализации интересов в сфере земельно-арендных отношений: архетипная природа	87

Проблемы планирования развития территорий (архетипная парадигма)

<i>Виталий ОМЕЛЬЯНЕНКО</i> . Управление процессами создания региональной экосистемы инноваций с учетом особенностей институциональных архетипов.....	96
<i>Юлия ЧЕРКАСОВА</i> . Планирование территорий общественного значения в жилых районах (архетипный подход)	104
<i>Евгений ЮРЧЕНКО</i> . Сохранение архетипа территорий при планировке и застройке населенных пунктов	111

Украинская школа архетипики.....	119
----------------------------------	-----

TABLE OF CONTENTS

To the reader

<i>Maryna BILYNSKA</i>	5
<i>Sergej KOTOV-DARTEY</i>	6

Theory and history of public administration, state services and local self-government (archetypical paradigm)

<i>Igor RESHEVETS</i> . Archetypical paradigm of the political administration management.....	7
<i>Marina STAROVA</i> . The problems of ethical behavior of a leader in the group: the archetype paradigm	18
<i>Alexander CHABAN</i> . Archetypical and socio-cultural foundations of corruptive behavior in the Ukrainian reality	27

Mechanisms of public administrations, services and local self-government (archetypical paradigm)

<i>Helen BULKINA</i> . Archetypical peculiarities of professional political activity implementation.....	37
<i>Stepan GALYCH</i> . Political elections in Ukraine: archetypical approach.	45
<i>Yuriy GUBAREV-ZOLOTUKHIN</i> . Mass consciousness control.....	55
<i>Sergey DOROSHENKO</i> . Public-Private Partnership (PPP) as a consequence of archetypical patterns in the state administration	64
<i>Albert ZELYAK</i> . Communications in the public sphere and their archetypical patterns.....	72
<i>Nadiya PAVELKO</i> . Archetypal nature of state agricultural policy in Ukraine.....	80
<i>Alina POMAZA-PONOMARENKO</i> . Balancing and state support mechanism for realization of interests under in land lease relations: archetypical nature	87

Development problems in planning of territories (archetypical paradigm)

<i>Vitaliy OMELIANENKO</i> . Administering the processes of regional ecosystem innovations creation considering the peculiarities of institutional archetypes	96
<i>Juliya CHERKASOVA</i> . Planning of territories of public value in residential areas (archetype approach)	104
<i>Evgenii YURCHENKO</i> . Planning and development of residential areas preserving the territorial archetypes	111

Ukrainian school of archetypes	119
---	-----

Александр ЧАБАН

слушатель магистерской программы

*Харьковского регионального института государственного управления
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
(Харьков, Украина)*

АРХЕТИПНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В УКРАИНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается феномен коррупционного поведения через призму архетипа «дара», который помогает нам по-новому понять коррупцию в украинской действительности. Особое внимание уделяется дальнейшим перспективам исследования коррупции, как части более широкого и сложного социокультурного и исторического контекста. Именно эти аспекты коррупционного поведения на сегодняшний день изучены мало и нечасто учитываются исследователями.

Ключевые слова: *коррупция, архетип «дара», культура, «блат», дарообмен, реципрокный обмен.*

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Рост внимания мировой общественности к проблемам коррупции актуализировался в 1990-х, подчеркивая негативные социальные, политические и экономические последствия этого разрушительного явления для большинства стран мира. Коррупция – популярная тема для публичного общественного обсуждения и повседневных разговоров и в Украине. Конечно, неприятно осознавать, что по результатам 2012 г. Украина заняла 144-е место в индексе восприятия коррупции международной организации Transparency International, получив 26 баллов из 100 возможных. Хотя необходимо признать, что подобные индексы не отражают полной картины роста уровня коррупции за определенное время, потому что достаточно сложно определить однозначное количественное или качественное измерение этого явления. Зато с полной уверенностью можно сказать, что вырос общественный интерес к проблеме коррупции.

Дебаты по поводу подходов к пониманию коррупции среди ученых продолжают. Как утверждает американский политолог Арнольд Хайденхаймер в работе «Политическая коррупция», «история этого термина изобилует различными смыслами и значениями» [7, с. 149]. Однако можно сказать, что наиболее распространенным и доминирующим дискурсом на сегодняшний день остается традиционный, нормативный подход, в центре которого находится неприятие и полное осуждение этого явления. Вслед за этим идет в ход этико-правовой аспект решения проблемы, который рассматривает коррупцию как «злоупотребление служебным положением для получения личной выгоды», очерчивает рамки (не)законности действий и анализирует кодексы поведения через призму этических проблем в сфере государственного управления.

Можно согласиться с некоторыми учеными, что подобное конвенциональное определение коррупции предлагает слишком узкое понимание предмета и делает чрезмерный акцент на незаконности коррупционных практик [12, с. 57]. Этот ограниченный подход не подталкивает к более полному пониманию неоднозначного феномена коррупции в различных обществах. Французский исследователь О. де Сардан констатирует, что «в странах, особенно пораженных коррупцией, ее стигматизация хоть и является центральным элементом дискурса всех слоев общества, но это не приводит к попыткам решить проблему. Такие решения можно найти только поняв культурный контекст коррупции» [11, с. 25-52]. Вечное присутствие в обществах, устойчивость и постоянное возвращение коррупции свидетельствуют о сложности этого феномена, дискурс которого может быть адекватно воспринят только при условии, что он будет осознаваться как часть более широкого социокультурного и исторического контекста.

Предыдущая попытка очертить актуальность и определить нерешенные задачи поднятого вопроса подводит к необходимости использования междисциплинарного подхода к изучению и пониманию проблематики коррупции. Исходя из этого, **целью статьи** является попытка объединить уникальный по своим методологии и инструментарию архетипный подход с социально-исторической и экономической антропологией для понимания феномена коррупции в украинской действительности.

Изложение основного материала. Культура существует и проявляется в определенных мифах, символах, обычаях, ритуалах, представлениях, базовых ценностях и т.д., которые хранят идентичность любого народа вопреки динамизму истории. Культурные символы передаются и транслируются от поколения к поколению и, в конце концов, становятся архетипными. В своих работах швейцарский психоаналитик Карл Густав Юнг (1875–1961) большую часть внимания уделял именно архетипам, под которыми он понимал бессознательно воспроизводимые схемы, проявляющиеся в образной форме в мифах и галлюцинациях, сказках и произведениях искусства. Это – совокупность первичных врожденных мотивов, составляющих содержание «коллективного бессознательного», ценностная природа которого «всегда несет в себе определённое особое «влияние» или силу, благодаря которой действие его имеет нуминозный характер, т.е. архетип очаровывает или побуждает к действиям» [17, с. 97-128].

Для швейцарского ученого архетип выступает как врожденный стереотип человеческого поведения, выработанный в процессе истории. В архетипной ситуации человек действует в соответствии с неизменными унаследованными образами коллективного бессознательного, которые со временем могут обретать динамический характер. Исходя из этого, по мнению многих последователей К. Юнга, понимание комплексности социально-исторического опыта и культурных ценностей общества через архетипную составляющую является принципиальным моментом для адекватного восприятия дискурса любых устоявшихся практик современности.

Реконструкция архетипов является актуальным и перспективным подходом, который помогает путем трансформации символов прошлого толковать определенные общественно-политические процессы современности. Украинский ученый С.Б. Крымский (1930–2010) писал: «Архетипы ассоциируют особое методологическое

видение, когда благодаря превращению прошлого в символы последние очерчивают смыслы будущего, а архетипы освещаются как «культура впереди нас»» [5, с. 98]. Итак, в рамках обозначенной темы статьи перспективно будет проанализировать концепт «дара», который проходит через всю историю человеческого сознания, тем самым приобретая архетипное значение. Именно реконструкция архетипа «дара» поможет нам по-новому понять феномен коррупции в украинской действительности.

Архетип «дара» присущ большинству культур, но в каждой он наполняется своим особым смыслом. «Дар» был одним из главных символов украинцев. Архетип «дара» является сквозным ментальным концептом, который способствовал формированию определенного образа мышления и мировоззрения украинского народа, который продолжает оставаться неотъемлемой частью нашей культуры. Это прослеживается даже в знаменитой характеристике украинцев, известных своей щедростью и гостеприимством.

Изначально символ «дара» приобретает сакральное значение, а практика дарения становится формой выражения осознанного бытия. Символ дарения интерпретируется украинцами в первую очередь не в материальном аспекте, а в духовном. Символ и практика дарения приобретает онтологический статус в архаической культуре, приближает семью к богам, вводит её в круг «своих». Именно поэтому дарение становится образцовой моделью для поддержания отношений во всех важных сферах общественной жизни украинцев [15, с. 1-2].

Обменные отношения традиционных обществ как система дарообмена (gift-exchange) неизменно интересовали и интересуют многих ученых в рамках социально-исторической и экономической антропологии (М. Мосс, Б. Малиновский, А. Гуревич, К. Поланьи, Г. Далтон, М. Салинз, К. Леви-Стросс, Л. Хайд и другие). Отношения дарообмена в традиционной культуре получили осовремененные названия «экономика дара», «престижная экономика» или реципрокный обмен.

Впервые исследования феномена дара были предприняты известным «отцом французской антропологии» М. Моссом (1872–1950). В своей известной работе «Очерк о даре», которая написана на огромном этнографическом и историческом материале, автор отметил, что для архаических обществ феномен дара был универсальным средством обмена и тотальным фактом человеческих отношений [9]. Межличностные отношения были предметом постоянного торга в форме вручения и принятия даров. В современной литературе понятие дара трактуется достаточно широко, включая в себя различные формы обмена, и в зависимости от ситуации и исследовательского контекста рассматривается как сетевой, символический, реципрокный обмены, рациональный выбор. «Независимо от цели дарения и природы отношений между участниками обмена предметами дара могут быть взаимные услуги, материальные блага, дополнительные усилия, преданность, репутация» [3, с. 343].

Также эффективным видится рассмотрение коррупционного поведения в рамках концепции реципрокности (от лат. *reciprocus* – взаимный, обоюдный) венгерского социолога, экономиста и антрополога К. Поланьи (1886–1964).

Социальная структура любого общества тяготеет к формам «большой семьи». По этому поводу К. Поланьи утверждает, что «чем ближе друг к другу чувствуют

себя члены большого сообщества, тем больше они будут склонны перекладывать на реципрокную основу конкретные отношения...» [10, с. 70]. Пропорции и характер дарообмена значительно зависят от социального статуса человека, который также определяет существующие между людьми отношения. Если рассматривать горизонтальный дарообмен (рис. 1), то выстраивается реципрокная сеть на симметричной основе (дарообмен между членами горизонтальной сети $A-A^1$ и $B-B^1$, статус которых одинаков или незначительно отличается). В этой сети практики дарообмена играют роль символа «доброй воли», которая позволяет укрепить отношения и установить доверие как форму социального капитала. В этом случае реципрокность является инструментом приращения социального капитала. Приобщение индивида к реципрокной сети позволяет повысить свой потенциал, репутацию или получить помощь ресурсами в различных формах. Например, для бизнеса участие в подобной сети позволяет получить льготный денежный кредит, уменьшить налоговые платежи или уклониться от соблюдения дорогостоящих регулирующих норм. Если откровенно проанализировать внутреннюю украинскую структуру государственного управления, то практики дарообмена свидетельствуют о том, что здесь нанимают на работу сотрудников исходя чаще не из их профессиональных характеристик как государственного служащего, а по количеству связей. Не помогает даже наличие формальных конкурсов, тестирования и экзаменов. Можно утверждать, что существование коррупционного поведения в подавляющем большинстве своих проявлений невозможно без реципрокных отношений ни в «верховых», ни в «низовых» взаимодействиях.

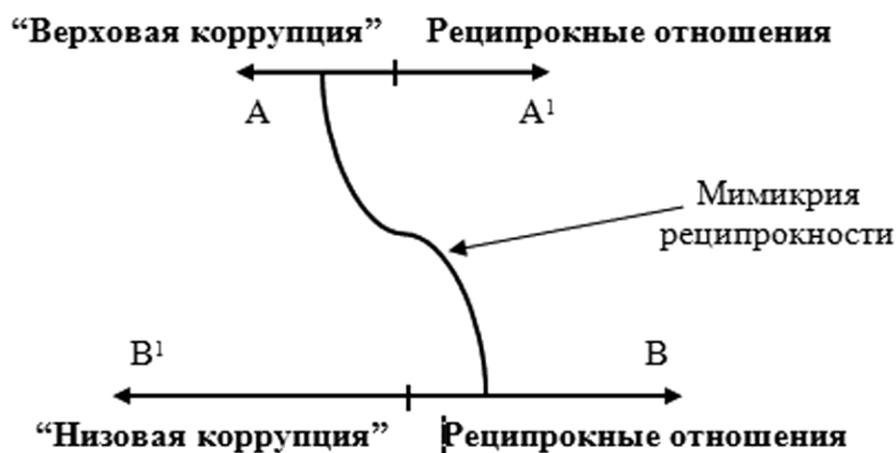

Рис. 1. Горизонтальный дарообмен

При рассмотрении вертикальных отношений дарообмена между A и B, то есть актёрами, социальные статусы которых значительно отличаются, коррупционные отношения только сохраняют форму реципрокности. Асимметричные связи воспроизводят отношения по типу «патрон – клиент». Этот тип дарообмена фактически оказывается его отрицанием. Это изменённая форма предшествовавших ему дани, подати и других форм подношений, когда нижестоящий по статусу обязан вышестоящему. Но немногие хотят воспринимать подобный вертикальный дарообмен как проявление логики взимания дани. В украинской общественной практике можно найти много примеров, когда некоторые люди несут добровольно не-большой «дар» (взятку), тем самым пытаются психологически стереть незримый

вертикальный асимметричный барьер между участниками обмена. Но «добровольный обмен» иерархически организованных субъектов не порождает отношения реципрокности, а обменные ресурсы не превращаются в подарки. Скорее всего, происходит *мимикрия реципрокности* за счёт соблюдения внешних атрибутов дарообмена [1, с. 6-11].

В самом общем и упрощенном виде разница между реципрокным обменом и патрон-клиентскими отношениями заключается в следующем: *дар является атрибутом реципрокности, дань – основа отношений «патрон – клиент».*

В Киевской Руси основной формой обмена дарами были пиры, когда князь кормил своих подданных, а они отдавали ему дань. Такой обмен был обязательным. Так Даниил Заточник упрекает Ярослава Мудрого за то, что он первый из князей стал скупым к своим подданным: «Друзья и близкие и те пренебрегают, потому что не поставил перед ними трапезы с блюдами разнообразными... Да не будет, княже мой, твоя рука скована на подаяние нищим, так как ни чашей моря не вычерпать, ни нашими стягиваниями твоего дому не истощить» [13, с. 31–32]. Но своего символического значения на Руси дар не утратил и в период позднего Средневековья (XV–XVI вв.), выступая одним из необходимых атрибутов и инструментов налаживания стабильных политических связей как внутри отдельных княжеств, так и на межгосударственном уровне.

Украинский исследователь Е. Донченко в одной из своих статей написала следующее: «Цель раскопок в области архетипной парадигмы – показать, что не только архетип может регулировать жизнь и деятельность человека, но и человек способен помочь архетипу стать своим другом, найти с ним общий язык, найти тем самым собственную мудрость (целостность)» [4, с. 35]. Это очень интересное утверждение, особенно в рамках исследуемой проблематики. Можно сказать, что современное украинское общество нашло общий язык с архетипом «дара», который создает альтернативные и легитимные неформальные социальные структуры взаимосвязи.

Можно согласиться с харьковским политологом А. Крысенко, что в украинской действительности сложилась социально-генетическая природа коррупции как неформального института. «Коррупционные практики определенным образом является проявлением фантомного функционирования досовременных социальных правил, так называемого дарообмена, или реципрокного обмена. Прежде всего, это касается «бытовой коррупции», мелкого взяточничества, системы корпоративных подарков представителям фискальных институций. Фактически коррупция в данном случае интерпретируется как этическое явление или социально легитимное явление, ведь интерпретирует «коррупционную благодарность» как адекватное поведение, тогда как формализованные модели поведения воспринимаются как эгоистические, лишённые духа человечности» [6, с. 60]. Именно подобное восприятие некоторых практик дарообмена помогает участникам обмена находить оправдание в своих глазах коррупционного поведения, ссылаясь на «человеческое и повседневное измерение» этого явления, которое часто упускается из виду многими исследователями.

Важным фактором живучести традиционных отношений большей части общества может быть сильная потребность во взаимном «социальном страховании»

как условия выживания, что характерно не только для архаичных, но и для современных крупных обществ. Ориентация на личные связи в сетях дарообмена свидетельствует о глубоко укоренившемся, устойчиво воспроизводимом в массовых практиках неофициальном институте коррупции, который, по мнению большинства населения Украины, признается значительно более эффективным, чем формальные и официальные структуры.

Некоторые исследователи акцентируют внимание на том, что неформальные практики в постсоветских обществах являются следствием советской культуры, когда группы взаимной поддержки и взаимопомощи играли большую роль, а владение акционерным капиталом и отношения взаимного кредитования подкреплялись дружескими или родственными связями [8, с. 70]. Но, по моему мнению, советский период в большей степени актуализировал, распространил и утвердил украинскую культурную константу, а именно опору на семейные ценности и создание «семейных групп» как формы социальной организации. В этом контексте, безусловно, важен тот факт, что в течение большей части своей истории Украина не имела устойчивой государственности, что способствовало установлению важности семейных связей, по логике которой «хорошо всё то, что работает на тебя и твою семью». Подобная практика помогала выживать в сложных жизненных условиях.

Но именно в советские времена, когда большинство украинского населения не смогло проникнуться доверием к государству и его административным органам, такие слова, как «блат», «рука», «наш человек», «круговая порука» и т.д., прочно вошли в повседневный лексикон. В качестве примера можно рассмотреть феномен «блата», ставший формой дарообмена, который заключался в использовании личных и неформальных контактов для получения товаров и услуг при их дефиците. Я не ошибусь, утверждая, что он и до сих пор считается абсолютно легитимной практикой. Отличие «блата» от «взятки» заключается в том, что «блат» – это своего рода знак принадлежности к определенному кругу, где важным считаются личные отношения между участниками процесса. Таким образом, граница между «блатом» и коррупцией становится размытой. Как отмечает украинский социолог Виктор Степаненко, «наличие и устойчивость неформальных отношений в постсоветских странах, в частности и в Украине, были (и до сих пор являются) объективной рациональной жизненной стратегией выживания в кругу «своих людей» в период мучительной социальной трансформации» [14, с. 198-211].

На сегодняшний день складывается парадоксальная ситуация, когда в украинском обществе критикуются любые проявления коррупционного поведения, но большинство людей, при возможности, охотно включилось бы в сети реципрокных отношений. Этому способствует и стойкое убеждение украинцев, что достичь успеха в жизни можно лишь при наличии «полезных» связей. Мы имеем дело с украинским «статусным и дарующим обществом», которое опирается на обычное право дарообмена.

Экономика дара в целом имеет личный, персонифицированный характер. Подобная ситуация способствует психологическому и социально-политическому созданию патримониального измерения бюрократии (от лат. *patrimonium* – вотчина, частное владение), когда чиновниками и «просителями» определенных услуг или благ государственное учреждение зачастую воспринимается среди населения не

как институция государства, а как «частная собственность» человека, семьи или определенного клана. Это можно проследить и в современной персонификации административных услуг в государственном управлении, когда большинство украинского населения воспринимает предоставление определенных услуг как проявление воли определенного чиновника, который ассоциируется с государственным учреждением, хотя при этом любая административная услуга для граждан гарантируется государством.

Итак, глубинные истоки коррупции лежат в сфере столкновения коллективных стереотипов, представлений, культуры и традиций с деятельностью современного государства, слабо контролирующего свой административный аппарат.

Надо признать, что многие исследователи коррупционной проблематики не воспринимают и не выявляют прямой генетической связи между традиционной практикой, которая похожа на современную коррупцию, и нынешними формами коррупции. Например, американские исследователи Р. Райт и Е. Симпкинс считают, что современная коррупция – это в основном результат искажения традиционных обычаев, а не перенос их в новый политический контекст [2, с. 33-34]. Но мне кажется, что подобное понимание коррупции только подтверждает влияние досовременных обычаев на сегодняшние базовые ценности и организационные практики, но с течением времени они меняются, приспособляются и осовремениваются, в чём и можно разглядеть «искажение». «Искаженные традиционные обычаи» – это тоже обычаи, но в модифицированном виде.

При поиске дополнительной информации для написания статьи моё внимание привлёк очень интересный и показательный исторический факт периода Российской империи (он справедлив и для Украины, на большей территории которой в то время была сформирована имперская административная структура) – в начале XX века чиновник, отказывающийся от вознаграждения, многим просителям казался странным и подозрительным. Как среди чиновников, так и в некоторых слоях населения те, кто ничего не брал, считались дураками или трусами [16, с. 33]. Возникает вопрос, может ли подобная форма коллективного восприятия «честного чиновника» существовать в современном украинском обществе?

Концентрация внимания только на политических, экономических, административных или правовых факторах коррупционного поведения чиновников приводит к тому, что коррупция изображается как «игра одного актёра». Но в действительности коррупция – это активное взаимодействие двух, а в некоторых случаях и трёх сторон. Подобная ситуация приводит к тому, что, несмотря на механизмы формальных ограничений и усиление административной борьбы с проявлениями коррупции, воспроизведение коррупционных действий остается устойчивой практикой в различных областях общественной жизни Украины. Таким образом, для борьбы с коррупцией недостаточно укрепления контрольных органов или других репрессивных мер, необходимо изучение «второй стороны» коррупционных практик, то есть «рядового гражданина», его ценностных коллективных представлений, массового сознания и социальных отношений, которые выражаются в практиках дарообмена. Это поможет лучше понять истоки и основания легитимности различного рода практик дарообмена как основы для коррупционного поведения.

Выводы и рекомендации. В этом исследовании феномена коррупционного поведения сделана попытка совместить архетипную парадигму психологической науки с направлением социально-исторической и экономической антропологии, которые помогают лучше понять некоторые источники легитимности различного рода практик дарообмена как основы для коррупции. Это различные научные подходы, но у них есть общий знаменатель, а именно понимание важности исследования коллективного и культурного наследования различных форм взаимодействия современного общества, которые передаются через традиции, верования и ритуализацию общественного бытия досовременных обществ. Новое междисциплинарное знание позволяет выявить возможные расхождения между официальными и реальными нормами и практиками.

Целью исследования было не оправдание незаконности коррупционной деятельности с помощью ссылок на «архетип», «культуру» или «дарообмен», а попытка продемонстрировать, что границы современного приемлемого поведения человека отнюдь не являются универсальными. Приходится признать тот факт, что борьба с коррупцией сверху, которая напоминает краткосрочную агитационную кампанию с усилением наказания, неэффективна, поскольку она не затрагивает тех устойчивых и доминирующих стереотипов общественного сознания, стандартов и ценностей, которые воспитывались десятки и даже сотни лет.

На повестке дня для украинского государства стоит попытка лишения рациональной основы коррупционных практик, которые воспринимаются как легитимный неформальный институт в государственном управлении. Но при этом необходимо понимать, что рационализация и легитимация коррупционных сетей в украинской действительности происходит из-за признания несовершенновыми и несправедливыми существующих формальных норм большей частью общества. Пока коррупция будет оставаться единственным инструментом, способным обеспечить функционирование органов государственного управления, она не будет преодолена. В вопросах коррупции можно согласиться с тезисом некоторых зарубежных исследователей о том, что коррупция в большинстве развивающихся стран стала неотъемлемой частью жизни, и поэтому немедленное изъятие материально-финансовых средств, находящихся в коррупционном обороте, почти неизбежно обернется развалом органов местного управления и ряда других властных структур [2, с. 39]. Подобный постулат справедлив и для Украины.

Список литературы

1. Арутюнян Б. К. вопросу понимания коррупционного поведения [Электронный ресурс] / Б. К. Арутюнян. – Режим доступа : http://www.crrc.am/store/files/db_fellows/article%201.pdf.
2. Гевелинг Л. В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти / Л. В. Гевелинг. – М. : Гуманитарий, 2001. – 592 с.
3. Додлова М. Ч. «Обмен дарами» в отношениях государственных служащих / М. Ч. Додлова, М. М. Юдкевич // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2007. – № 3. – С. 337–363.

4. Донченко О. Феноменологія архетипу і державне управління / О. Донченко // Публічне управління: теорія та практика. – Х., 2010. – № 3-4. – С. 33–37.
5. Кримський С. Б. Архетипи української культури / С. Б. Кримський // Феномен української культури: методологічні засади осмислення : зб. наук. пр. – К. : Фенікс, 1996. – С. 91–112.
6. Крисенко О. В. Вплив неформальних інститутів на український політичний процес / О. В. Крисенко // Стратегічні пріоритети. – 2012. – № 4. – С. 58–62.
7. Липсет С. М. Коррупция, культура и рынки / С. М. Липсет, Г. С. Ленц // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М. : Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с.
8. Лясота Л. Соціальні мережі та неформальні практики у політичному дизайні пострадянських суспільств / Л. Лясота // Політичний менеджмент. – 2006. – № 4. – С. 65–79.
9. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс. – М. : Восточная литература, 1996. – 360 с.
10. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс [Электронный ресурс] / К. Поланьи // Экономическая социология. – 2002. – № 2. – Т. 3. – С. 62–73. – Режим доступа : http://ecsoc.hse.ru/data/692/586/1234/ecsoc_t3_n2.pdf.
11. Sardan J. P. O. A Moral Economy of Corruption in Africa / J. P. O. de Sardan // Journal of Modern African Studies. 1999. – № 1. – Vol. 37. – P. 25–52.
12. Сиссенер Т. К. Феномен коррупции в антропологической перспективе / Т. К. Сиссенер // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. – СПб : Алетейя, 2007. – С. 56–82.
13. Слово Данила Заточника, що писав він князю своєму Ярославу Володимировичу // Історія філософії України. Хрестоматія : навч. посібн. / упор. М.Ф. Тарасенко, М.Ю. Русин, А.К. Бичко. – К. : Либідь, 1993. – С. 30–37.
14. Степаненко В. Суспільство громадянське і «не громадянське»: дискурси та моделі взаємодії / В. Степаненко // Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги – К. : Ін-т соціології НАН України, 2004 – С. 198–211.
15. Холох О. І. Дарування – архетип української культури [Електронний ресурс] / О. І. Холох // Вісн. Чернігівськ. нац. пед. ун-ту. – 2011. – Випуск 95. – (Сер. «Філософські науки»). – Режим доступа : http://archive.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vchdpu/filos/2011_95/holoh.pdf.
16. Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников / С. Шаттенберг // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 4 (42). – С. 29–35.
17. Юнг К. Об архетипах коллективного бессознательного / К. Юнг // Архетип и символ. – М. : Reneisse, 1991. – С. 97–128.